

«ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ» ФАКТОР РОЖДАЕМОСТИ: ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИИ НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Н. Ю. Егорова^а, И. В. Ситникова^а

^а Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. Несмотря на реализацию серьезных мер государственной семейной политики по стабилизации демографической ситуации, в большинстве регионов она остается непростой. Это связано, во-первых, с новыми вызовами, перед которыми оказалась страна, во-вторых, со сложностью самих демографических процессов, которые необходимо регулировать. Численность населения, являясь комплексным количественным показателем стабильности общества, определяется рядом демографических процессов, среди которых основным остается рождаемость. Число исследований, где предпринимаются попытки определить факторы, обуславливающие тренды рождаемости, растет. Все чаще обращается внимание на демографические характеристики (половозрастную и брачную структуры) населения как отправной точки, с которой стоит начинать оценку воспроизводственного потенциала территории.

Нижегородская область, являясь типичным российским регионом, в последние десятилетия демонстрирует неблагоприятный сценарий развития демографической ситуации. В статье предпринимается попытка описать и оценить воспроизводственный потенциал региона, определить возможности и ограничения роста рождаемости в текущих условиях, опираясь на анализ «демографического» фактора.

Материалы и методы. Анализ и выводы построены на данных Федеральной службы государственной статистики о демографических процессах в России и регионе за 1990–2023 гг. (численности населения, рождаемости, брачности, разводимости), а также данных региональных социологических исследований, касающихся вопросов рождаемости и семейного/репродуктивного поведения.

Результаты и обсуждение. Результаты исследования дают мало оснований для благоприятного прогноза в регионе. В текущих условиях половозрастная структура населения пока не характеризуется диспропорцией в фертильных возрастах (за исключением самых старших групп), но велика вероятность ее появления в более молодых возрастах. Кроме того, активные и потенциальные фертильные группы женщин значимо меньше групп более старших. Брачная структура становится более стабильной, но с высокой вероятностью разводов, приемлемостью сожительства, смещением рождений в более старшие группы. Исследования фиксируют сохраняющийся зазор между желаемым и реальным количеством детей в различных социально-демографических группах. Выделенная тенденция, с точки зрения авторов, требует тщательных исследований для корректного стимулирования рождаемости.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: факторы рождаемости, половозрастная структура, брачная структура населения, воспроизводственный потенциал

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Егорова Н. Ю., Ситникова И. В. «Демографический» фактор рождаемости: оценка потенциала территории на примере Нижегородской области // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 4. С. 25-40. EDN QQVRFO. DOI 10.22394/2304-3369-2024-4-25-40.

© Н. Ю. Егорова, И. В. Ситникова, 2024

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Егорова Надежда Юрьевна – доктор социологических наук, доцент; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (603950, Россия, Нижний Новгород, пр-кт Гагарина, 23) — профессор кафедры общей социологии и социальной работы; nadegorova@yandex.ru. SPIN-код: 2756-2705, ORCID: 0000-0002-5914-8021.

Ситникова Ирина Викторовна – кандидат социологических наук; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (603950, Россия, Нижний Новгород, пр-кт Гагарина, 23) — доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии; april@fsn.unn.ru. SPIN-код: 6437-9284, ORCID: 0000-0002-8138-3116.

Статья поступила 11.01.2024; рецензия получена 01.04.2024; принята к публикации 15.04.2024.

'DEMOGRAPHIC' FACTOR OF FERTILITY: ASSESSING TERRITORIAL POTENTIAL ON THE EXAMPLE OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION

N. Yu. Egorova^a, I. V. Sitnikova^a

^a National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. Despite the implementation of serious measures in the framework of state family policy to stabilise the demographic situation, it remains difficult in most regions. This is due, firstly, to the new challenges the country is facing, and secondly, to the complexity of the very processes that need to be controlled. Population size, being a complex quantitative indicator of the stability of society, is determined by a number of demographic processes, among which fertility remains the main one. The number of studies attempting to identify the factors determining fertility trends is growing. All of them demonstrate the complexity and multifactorial nature of the process and the changes taking place. More and more often attention is paid to the demographic characteristics (sex-age and marriage structure) of the population as a starting point from which to begin the assessment of the territory and its reproductive potential.

Nizhny Novgorod region, being a typical Russian region, has been demonstrating an unfavourable scenario of demographic situation development in recent decades. The article attempts to describe and assess the reproductive potential of the region, to identify the possibilities and limitations of fertility growth in the current conditions, based on the analysis of the 'demographic' factor.

Materials and methods. The analysis and conclusions are based on the data of the Federal State Statistics Service on demographic processes in Russia and the region for 1990-2023 (population size, birth rate, marriage rate, divorce rate), as well as on the data of regional sociological studies on fertility and family/reproductive behaviour.

Results and discussion. The results of the study provide little basis for a favourable forecast in the region. On the one hand, the sex and age structure of the population is not yet characterised by disproportion in fertile ages, except for the oldest groups. However, there is a high probability of its appearance in younger ages under current conditions. In addition, active and potential fertile groups of women are significantly smaller than older groups. The marriage structure is becoming more stable, but with a high probability of divorce, acceptability of cohabitation, and a shift of births to older groups. The studies record a persistent gap between the desired and actual number of children in different socio-demographic groups, which, from the authors' point of view, is important and requires careful research to correctly stimulate fertility.

KEYWORDS: fertility factors, sex and age structure, marriage structure of the population, reproductive potential

FOR CITATION: Egorova, N. Yu., & Sitnikova, I. V. (2024). 'Demographic' factor of fertility: assessing territorial potential on the example of the Nizhny Novgorod region. *Management Issues*, 18(4), 25–40. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-4-25-40>

AUTHORS' INFORMATION:

Nadezhda Yu. Egorova – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Associate Professor; National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (23, Gagarin Av., Nizhny Novgorod, 603950, Russia) — *professor of the Department of General Sociology and Social Work*; nadegorova@yandex.ru. RSCI SPIN: 2756-2705, ORCID: 0000-0002-5914-8021.

Irina V. Sitnikova – Ph.D. of Sociological Sciences; National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (23, Gagarin Av., Nizhny Novgorod, 603950, Russia) — *associate professor of the Department of Industrial and Applied Sociology*; april@fsn.unn.ru. RSCI SPIN: 6437-9284, ORCID: 0000-0002-8138-3116.

The article was submitted 01/11/2024; reviewed 04/01/2024; accepted for publication 04/15/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

Анализ демографических процессов в современных российских реалиях становится особенно актуальным в связи с усугублением проблем, связанных с воспроизводством населения: сохраняющейся низкой рождаемостью и высокой смертностью населения, в первую очередь мужчин от внешних причин, как следствие, сокращением продолжительности жизни, направлением миграционных потоков в группах молодых, фертильных возрастов, что обостряет вопросы национальной безопасности. Коррекция ситуации предполагает тщательный анализ процессов, определяющих их факторов, оценку возможности управления как теми, так и другими. Только понимая специфику, характер и степень влияния отдельных факторов, можно найти пути решения социально-демографических проблем, грамотно планировать шаги по их преодолению, определять приоритетные направления и разрабатывать меры демографической политики как на уровне страны, так и в рамках отдельного региона.

Численность населения, являясь в некоторой степени результирующим количественным показателем стабильности общества, определяется рядом демографических процессов, вклад которых в разные моменты времени может быть неодинаков. Тем не менее, основным фактором его сохранения и воспроизводства, безусловно, будет рождаемость, которая, к сожалению, в большинстве регионов и в стране в целом остается на уровне ниже даже простого воспроизводства.

Рождаемость – процесс сложный, и складывающаяся ситуация приводит к росту научного

интереса к исследованию определяющих ее факторов в различных областях знания.

Социологи говорят о неразрывной связи репродуктивного поведения и системы ценностных ориентаций, в том числе молодого поколения, на что указывают как отечественные, так и зарубежные исследования. С одной стороны, создание семьи остается значимой жизненной целью, с другой – ориентация молодых на потребление, индивидуальный успех и материальное благополучие ведет к откладыванию браков и снижению рождаемости [1; 2; 3]. Сформированные семейные ценности не приводят к увеличению рождаемости [4, с. 95], а современные женщины все чаще отдают приоритет не семье и детям, а образованию, профессиональной самореализации, интересному досугу, что влияет на их репродуктивное поведение – поздние браки и рождение первенцев, малодетность или бездетность [5, с. 234; 6].

Медики обращают внимание на проблемы репродуктивного здоровья российских женщин, сокращение числа благополучных рождений, ухудшение здоровья новорожденных. Рост бесплодия и снижение фертильности у мужчин и женщин, в том числе из-за сдвига календаря рождений, – важный источник потерь рождаемости. В то же время женщины сегодня тщательнее подходят к выбору репродуктивных стратегий и все чаще рассматривают для себя вариант использования вспомогательных репродуктивных технологий, позволяющих устранить риски для здоровья матери и ребенка, выбрать время родительства и решить вопрос о количестве детей [7, с. 57]. Как отмечают со-

циологи, все это происходит на фоне рискованного репродуктивного поведения молодежи: раннего начала сексуальной жизни, частой смены партнеров, безответственного контрацептивного поведения, вредных привычек [8, с. 341]. В качестве позитивных тенденций стоит отметить изменение абортного поведения. Аборт перестает быть средством контроля рождаемости, и число беременностей в последние годы практически сравнялось с числом рождений [9, с. 141–142].

В числе факторов снижения рождаемости рассматриваются и социально-экономические: низкий уровень жизни населения, финансовые трудности, отсутствие жилья, недостаточность государственной помощи молодым и многодетным семьям, трудовая занятость женщин. Таким образом, стремление семей к материальному благополучию приводит к низкой рождаемости [10, с. 146], с другой стороны, проблемы в этой сфере также не способствуют ее росту [11]. Тем не менее, экономические причины не являются определяющими. Исследователи отмечают, что расширение господдержки стимулирует лишь рождение детей в уже существующих семьях, а не создание новых для реализации потребности в детях [12, с. 89]. Анализ динамики рождаемости на фоне принятия федеральных и региональных мер помощи семьям с детьми (с 2007 г.) показал рост показателей по вторым и следующим рождениям, объясняемый положительным влиянием социально-экономических факторов и мер государственной поддержки. Однако по первым рождениям коэффициент рождаемости определялся лишь изменением количества зарегистрированных браков [13, с. 44]. Результаты опросов россиян о желаемом и ожидаемом числе детей подтверждают невысокую эффективность мер демографической политики. Репродуктивные установки не изменились кардинально под влиянием мер пронаталистской политики [14; 15], в большинстве российских семей считается необходимым рождение первого ребенка, второго – лишь при благоприятных социально-экономических условиях, а третий – при любых условиях лишним [16, с. 177].

Исследователями предпринимаются попытки комплексного анализа факторов рождаемости. Зарубежные авторы предлагают рассматривать макро-, мезо- и микроуровни влияния [17]. Отечественные модели принятия решения о ро-

ждении ребенка фиксируют откладывание создания семьи и рождения детей, переход от двухдетной семьи к однодетной, распространение сожительства, которые существенно снижают вероятность появления ребенка, более ранние рождения и большее число детей у женщин на селе, более поздние рождения у образованных и работающих женщин, влияние мер государственной поддержки на календарь рождений, но не на суммарный коэффициент рождаемости [18].

Анализ результатов исследований демонстрирует значимость «демографического» фактора рождаемости, составляющими которого являются половозрастная структура населения, его семейный состав, миграция и расселение, состояние здоровья населения, на что и указывают демографы. Сокращение общей рождаемости является следствием снижения численности женщин репродуктивного возраста (15–49 лет) в общей структуре населения России и роста среднего возраста деторождения в результате отложенных рождений детей [19, с. 109]. Отрицательная динамика численности женщин в молодых репродуктивных когортах (до 30 лет) и положительная в более старших (31–39 лет) обуславливает уменьшение числа браков и первых рождений у молодых и увеличение повторных рождений у «возрастных» женщин [14, с. 125–126]. Констатируется «старение» материнства при рождении детей всех очередностей, а также увеличение окончательно бездетных женщин, число которых в когорте рожденных в конце 1980-х годов приближалось к 20%¹. Брачная структура населения России характеризуется уменьшением числа браков, ростом числа разводов и сожительства, что уменьшает количество первых рождений [20, с. 44]. Итоговое число детей связано с брачным статусом женщины [21; 22; 23]. В законном браке, в том числе повторном, женщины к концу репродуктивного возраста имеют больше детей, чем в сожительстве; невысокие показатели детности зафиксированы у разведенных и не создавших новую семью, а самые низкие – у никогда не состоявших в браке женщин [24, с. 28–32]. Анализ динамики рождаемости за 2000–2021 гг. вызывает ее снижение в последние годы по рожде-

¹ Захаров С. В. Тенденции рождаемости в России за последние четыре десятилетия: анализ с учетом вероятности рождения очередного ребенка в условных и реальных поколениях // Население. 2019. Т. 37, № 1. С. 233.

ниям разной очередности: первым – из-за падения показателей брачности, вторым – вследствие тайминговых сдвигов в 2014–2016 гг. (более раннего рождения вторых детей в семьях, ориентированных на получение материнского капитала). Прогнозируется снижение третьих и последующих рождений, число которых пока продолжает расти [25]. Исследования влияния миграции на рождаемость показывают, что единого сценария этой взаимосвязи не существует [26]. При изучении факторов миграционного движения в стране установлено, что и на миграционный приток, и на отток равнозначно оказывают воздействие уровень жизни населения, государственная социальная политика в области здравоохранения, физкультуры и спорта, развитие экономики и инноваций [27, с. 183–184].

Таким образом, рождаемость – сложный, многофакторный процесс, влияние на который оказывают социокультурные, социально-экономические факторы, фактор репродуктивного здоровья, что подтверждают результаты разнообразных исследований. Действие этих факторов может быть неоднозначным, разнонаправленным в зависимости от контекста (внешних социальных условий), от социально-демографических, социально-экономических характеристик групп, репродуктивные установки которых, поведение сегодня тоже оказываются неодинаковыми, что, безусловно, должно учитываться в процессе выработки политических решений относительно демографический и семейной сфер. В то же время базовым ресурсом, который в том числе будет определять возможности/перспективы воспроизводства, является численность самих фертильных групп, их динамика, брачные характеристики. Другими словами, отправной точкой для выстраивания семейной политики должен стать демографический анализ, предполагающий выявление «потенциала» территории, в рамках которой принимаются те или иные меры. Соответственно, «демографический» фактор (половозрастная, брачная структура) в оценке результатов действий игнорироваться не должен.

Нижегородская область является регионом, в котором продолжительное время фиксируется отрицательный естественный прирост населения в результате высокого уровня смертности и низкого уровня рождаемости, а также рост

доли пожилых и уменьшение численности молодого населения. Половозрастная структура региона характеризуется провалами по отдельным демографическим группам, что, безусловно, может повлиять на возможности воспроизводства населения, а, значит, и на динамику его численности в дальнейшем. В связи с этим в статье обращается внимание именно на демографические характеристики региона как один из факторов рождаемости, который может как способствовать, так и ограничивать воспроизводственный потенциал области.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья построена, во-первых, на вторичном анализе данных Федеральной службы государственной статистики, в том числе Территориального органа по Нижегородской области, о демографических процессах в России и регионе за 1990–2023 гг. (численности населения, рождаемости, брачности, разводимости). Эмпирической базой также стали исследования кафедры общей социологии и социальной работы ФСН ННГУ им. Н. И. Лобачевского, проведенные с участием авторов: «Представления студентов о семье», 2020–2021 гг., г. Н. Новгород, анкетный опрос, объект – студенты 1-6 курсов ННГУ им. Н. И. Лобачевского ($N = 1113$); «Семья и рождаемость», проведенное по инициативе Министерства социальной политики Нижегородской области, 2020 г., Нижегородская область, анкетный опрос, объект – женщины в возрасте 18–40 лет ($N = 1807$).

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Динамика численности населения в Нижегородском регионе значительно отличается от общероссийских тенденций. Население области сокращается постоянно в течение трех последних десятилетий. На 1 января 2023 г. в регионе проживало 3081 тыс. человек, что на 698 тыс. человек, или почти на четверть (23%) меньше, чем в 1990 г. Место проживания – важный фактор, определяющий интенсивность процесса. За тридцать с небольшим лет городских жителей стало меньше на 15,5%, или на 453 тыс. человек (2918 тыс. человек в 1990 г. и 2465 тыс. человек в 2023 г.), тогда как население сельских территорий уменьшилось чуть ли не на треть – на 28,5%, или на 246 тыс. человек (с 862 тыс. человек в 1990 г.

Таблица 1 — Относительный перевес полов в структуре населения в Нижегородской области, 2002–2023 гг.
Table 1 — Relative preponderance of sexes in the population structure in Nizhny Novgorod Region, 2002–2023

Возраст	Все население			Городское население			Сельское население		
	2002	2010	2023	2002	2010	2023	2002	2010	2023
0–14	-2,4	-2,8	-2,9	-2,4	-2,8	-2,8	-2,4	-2,7	-3,0
15–19	-1,8	-3,2	-2,9	-0,4	-1,8	-2,1	-7,6	-8,8	-6,0
20–24	-1,3	-2,4	-3,0	1,0	0,1	-0,4	-12,3	-12,1	-13,8
25–29	0,4	-1,2	-2,3	1,8	1,0	-0,5	-6,3	-10,6	-10,1
30–34	0,8	0,9	0,3	2,1	2,5	2,2	-4,4	-6,9	-8,3
35–39	2,4	3,0	1,8	4,6	4,1	3,9	-5,3	-1,9	-7,8
40–44	3,6	4,1	3,1	6,7	5,6	5,1	-7,4	-1,6	-6,1
45–49	5,7	6,6	6,3	8,5	9,1	7,7	-5,4	-1,9	0,4
50–54	8,9	9,7	7,8	11,2	12,6	9,2	-1,5	-0,3	2,8
55–59	12,9	15,1	12,0	14,1	17,5	14,3	7,3	5,6	4,6
60–64	21,9	19,6	17,6	22,5	21,3	20,6	20,0	12,4	8,4
65 и старше	39,6	42,8	37,4	38,9	42,3	39,3	41,2	44,4	30,4
Все население	9,2	9,6	9,5	9,8	10,7	10,8	6,8	5,7	6,0

Источник: Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области: данные переписей населения 2002 г. и 2010 г. (URL: <https://52.rosstat.gov.ru/folder/28174>), данные на 1 января 2023 г. (URL: <https://52.rosstat.gov.ru/folder/33271>).

до 616 тыс. человек в 2023 г.)². Судя по оперативным данным Нижегородстата, население региона продолжает сокращаться: за 9 месяцев текущего года оно уменьшилось еще на 0,5%, или на 15,5 тыс. человек³.

Так же, как и население в целом, приблизительно одинаковыми темпами в регионе снижается численность и мужчин, и женщин. Общие характеристики половозрастной структуры за 20-летний период изменились не сильно: по-прежнему численность мужского населения в более молодых возрастах незначительно превышает численность женской половины (в среднем в пределах 3%), но по мере перехода к старшим возрастным группам доля женщин становится значимо больше (табл. 1), достигая максимальных значений в самых старших, пред- и пенсионных возрастных группах. Относительный перевес в пользу женщин, уже более чем на 10%, фиксируется у 55–59-летних, в возрасте 60–64 года он возрастает в среднем до 20%, а в группах старше 65-ти лет приближается к 40%, демонстрируя серьезные диспропорции полового состава населения и гендерного дисбаланса. В репродуктивных же возрастах перевес пока нельзя назвать значительным, в среднем он не превышает 3% в пользу мужчин. Исключение составляют старшие группы, 40–44 года и 45–49 лет, где

перевес становится более значимым, достигая в среднем 6%, причем именно с этих возрастов мужчины начинают быстро терять свое численное преимущество. Стоит отметить, что половозрастная структура городского и сельского населения сильно отличается. На селе перевес в пользу женщин фиксируется только в старших группах, в молодых же и особенно в фертильных возрастах перевес в пользу мужчин можно назвать значительным, в среднем около 10%.

При оценке текущей демографической ситуации и демографического потенциала важно обращать отдельное внимание на численность женщин в тех или иных возвратных когортах, в первую очередь, относящихся к фертильным. В течение двух последних десятилетий доля женщин в фертильных возрастах (15–49 лет) неизменно снижалась (рис. 1). В городе она сократилась почти на 10 п.п., или на 20% (с 51% в 2002 г. до 42% в 2023 г. от общей численности женщин), на селе – на 4 п.п., или на 10% (с 41% до 37%). Стоит отметить, что современная женщина не использует весь свой репродуктивный потенциал. Расчеты авторов за 2021 г. показывают, что 94% всех рождений приходятся на возраст 20–39 лет, который и стоит считать активным⁴. Рождения за пределами этой возрастной группы, а, тем более, за пределами возраста считающегося в демографии фертильным, – исклю-

² Рассчитано авторами на основании данных официального сайта Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области. URL: <https://52.rosstat.gov.ru/folder/33271>.

³ Там же.

⁴ Рассчитано на основании данных Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://fedstat.ru/indicator/59992>.

чение. В связи с этим доля женщин, способных и готовых к деторождению, оказывается почти в два раза меньше – 23% (24% в городе и 20% на селе). Распределение женщин фертильных возрастов по отдельным когортам тоже не внушает оптимизма. Данные последних лет [28; 29] говорят о сохраняющемся разбросе (рис. 2). Доля женщин, наиболее перспективных, с точки зрения рождения детей, групп (15–29 лет), в 2023 г. почти в два раза меньше (30% против 54%) доли тех, кто уже фактически реализовал свой репродуктивный потенциал (35–49-летних). Соответственно, пока нет оснований для благоприятных прогнозов относительно роста численности населения области в ближайшее время даже при сохранении сравнительно высоких показателей суммарного коэффициента рождаемости.

Демографические процессы, как уже было отмечено, тесно связаны с состоянием института семьи, его изменениями, а показатели брачности и разводимости во многом определяют тренды рождаемости и ее уровень. Рост сожительства, низкая брачность, высокая разводимость – по-

прежнему основные черты семейно-брачной сферы как в России, так и в Нижегородском регионе.

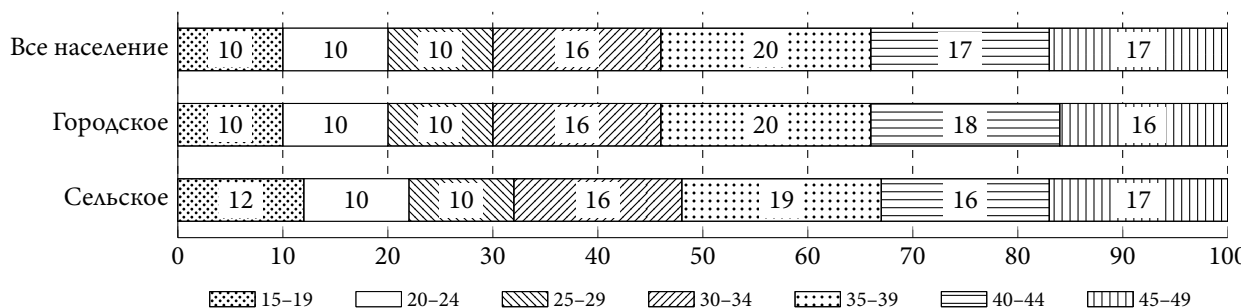
Динамику брачности в Нижегородской области за три последние десятилетия можно охарактеризовать двумя разнонаправленными тенденциями: стремительным падением в течение 1990-х гг., ростом и относительной стабилизацией в течение 2000–2010-х гг. Во второй половине 2010-х гг. показатели снова снижаются до минимума в 2020 г. (рис. 3), но ослабление режима самоизоляции вновь возвращает их к привычным, но не высоким значениям, а именно 5,9% в 2021 г. и 6,9% в 2022 г. Характер процесса в регионе не отличается от общероссийских тенденций, а показатели стабильно выше. Последнее не может не радовать.

Тенденции процесса разводимости в регионе противоположны (рис. 3). 1990-е гг. характеризуются резким ростом показателей до максимально высоких значений, 2000-е и 2010-е гг. – снижением до минимального в 2020 г. Последние данные 2021 г. свидетельствуют, скорее, о стабилизации, чем о росте показателя, на от-

Источник: Официальные сайты Федеральной службы государственной статистики и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области: данные переписей населения 2002 и 2010 г. (URL: <https://52.rosstat.gov.ru/folder/28174>); Публикации / Каталог публикаций / Информационно-аналитические материалы / Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284>; данные на 01.01.2023 (URL: <https://52.rosstat.gov.ru/folder/33271>).

Рис. 1. Динамика численности женщин фертильного возраста (15–49 лет) в Нижегородской области, 2002–2023 гг., %
 Fig. 1. Dynamics of the number of women of fertile age (15–49 years old) in Nizhny Novgorod Region, 2002–2023, %

Источник: Рассчитано авторами на основании данных официального сайта Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области: Возрастно-половой состав населения. URL: <https://52.rosstat.gov.ru/folder/33271>.

Рис. 2. Доля женщин в отдельных фертильных возрастных группах на 1 января 2023 года (Нижегородская область), %
 Fig. 2. Share of women in selected fertile age groups as of 1 January 2023 (Nizhny Novgorod Region), %

Таблица 2 — Брачная структура населения Нижегородской области, %
Table 2 — Marital structure of the population of Nizhny Novgorod Region, %

Брачный статус	Нижегородская обл.			Городское население			Сельское население		
	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.
Население в возрасте 16 лет и более, в том числе:									
никогда не состоявшие в браке	17	21	14	17	21	14	18	23	12
состоящие в браке, в том числе:	58	65	53	58	66	52	58	62	53
зарегистрированном	92	92	92	93	93	93	91	90	91
незарегистрированном	8	8	8	7	7	7	9	10	9
вдовы	13	4	20	13	4	20	15	5	25
разошедшиеся, разведенные	11	9	14	11	9	14	10	9	10

Рассчитано автором по: Перепись населения 2020 г. // Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/inspection/vpn/vpn_popul.htm.

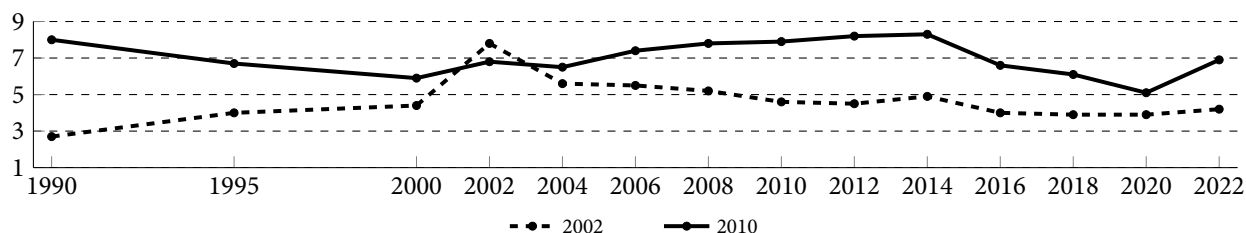
носителем высоких значений. Следует отметить, что уровень разводов в Нижегородской области на протяжении полутора десятилетий (2000-е – первая половина 2010-х гг.) был выше, чем по России в целом, а сегодня показатели выравнялись и стали сопоставимы.

Наличие партнера/супруга – значимый фактор рождаемости, в связи с чем важен анализ брачной структуры населения. Согласно данным переписи 2020 г., половина женщин (53%) и две трети мужчин (65%) имеют партнера или состоят в браке (табл. 2). Стоит отметить, что место жительства и брачный статус, видимо, пока не связаны. Жители города и села не отличаются сильно по своему брачному состоянию. Это касается как мужчин, так и женщин. В то же время остальные половина женщин и треть мужчин не имеют пары и, следовательно, исключены из процесса воспроизводства. Более того, в среднем 8-9% браков не зарегистрированы, а, значит, потенциально менее детны. Сама же брачная структура в течение последних лет остается относительно постоянной [29].

Помимо описанных тенденций в регионе наблюдается процесс «старения» брачности.

Изменение возраста вступления в брак, «откладывание», как уже было сказано, является общероссийским трендом, четко фиксируемым демографами. Судя по данным Федеральной службы государственной статистики, в последние десятилетия в России число вступающих в брак в молодых возрастах становится все меньше, в то время как количество брачующихся в старших группах растет [29]. Нижегородская область не является исключением. За три десятилетия (с 1990 по 2020 гг.) доля невест, официально ставших женами до 25 лет, в регионе снизилась вдвое (с 63% до 32%), а юношей, вступивших в брак, стало меньше в три раза (19% в 2020 г. против 59% в 1990 г.). Таким образом, возрастная «мода» вступления в брак плавно переместилась из группы 18–24-летних в более старшую, 25–34-летних [29]. Последние имеющиеся в нашем распоряжении данные за 2021 г. не дают серьезных оснований говорить об изменении направленности тенденции⁵.

⁵ Статистический ежегодник. 2022: Стат. сб. / Нижегородстат. Нижний Новгород, 2022. Раздел 4. С. 39. URL: https://52.rosstat.gov.ru/publication_collection/document/41619.

Источник: Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области. Статистика / Официальная статистика / Население / Браки и разводы. URL: <https://52.rosstat.gov.ru/folder/33271>.

Рис. 3. Динамика брачности и разводимости по Нижегородской области, 1990–2022 гг., %
Fig. 3. Dynamics of marriage and divorce rates in Nizhny Novgorod Region, 1990-2022, %

Таблица 3 — Относительный перевес полов в структуре населения в Нижегородской области, 2002–2023 гг.
Table 3 — Relative preponderance of sexes in the population structure in Nizhny Novgorod Region, 2002–2023

Возраст, лет	Россия, 1994 г.		Россия, 2002 г., все население	Россия, 2010 г., все население	Россия, 2015 г., все население	Россия, 2020 г., все население	Нижегородская область, 2015, все население	Нижегородская область, 2020 г., все население
	село	город						
16-17				59	48	41	67	47
18-19	18*	14*	36*	45	54	41	54	47
20-24	7	7	19	26	37	22	26	23
25-29	6	6	14	17	21	13	15	11
30-34	7	5	12	16	16	10	12	8
35-39	8	5	9	15	14	10	11	8
40-44	10	5	8	14	13	10	9	9
45-49	11	6	8	11	12	10	9	9
50-54	10	6	7	10	10**	9	6**	8
55-59	10	6	7	9	—	7		6
60 и старше	9	5	6	7	6	5	4	4
Все возрастные группы	9	6	10	13	12,5	9	10	8

Прим.: * данные приведены в целом по возрастной группе 16–19 лет; ** данные приведены по возрастной группе 50–59 лет.

Источник: Всероссийские переписи населения 2002, 2010, 2015, 2020 гг. // Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/inspection/vpn/vpn_popul.htm (дата обращения: 31.01.2022); Михеева А. Р. Брак, семья, родительство: социологические и демографические аспекты. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2001. С. 36.

Данные, открыто предоставляемые Росстатом, к сожалению, не учитывают очередность заключаемого союза, потому сложно сказать, является ли наблюдаемая тенденция следствием откладывания создания семьи или результатом роста числа повторных браков, которые, очевидно, заключаются в более позднем возрасте. Расчеты демографов и данные выборочных опросов все же дают основания для вывода о «старении» брака [30], возраст вступления в который, в том числе для первых союзов, уверенно стремится ко второй половине третьего десятилетия не только у юношей, но и у девушек. Опрос студентов нижегородских вузов тоже фиксирует стремление к формированию собственной семьи в более позднем возрасте. Большинство (64%) юношей в качестве предпочтительного возраста вступления в брак называют интервал 25–29 лет, девушки не столь единодушны. Тем не менее, 43% называют подходящим возраст 25–29 лет, чуть больше (49%) – 21–24 года⁶. Как результат, молодые люди с высшим образованием вступают в первый брак в среднем позже, особенно девушки, которые все чаще, прежде чем создать семью, стремятся

получить образование и закрепиться в трудовой деятельности [30].

Динамика брачности и изменение средних возрастов вступления в брак тесно связаны с распространением сожительства – тенденцией, в последнее время активно набирающей обороты. Согласно данным Росстата, за двадцатилетний период, с 1994 г. по 2015 г., доля живущих без регистрации супружеств увеличилась почти в два раза: с 7% в 1994 г. до 12,5% в 2015 г. (табл. 3). Стоит отметить, что тенденцию роста в этот период можно считать стабильной, касающейся всех возрастных групп. Наиболее активно сожительство распространялось среди молодых. В группе женщин 20–24 лет доля живущих без регистрации выросла в пять раз – с 7% до 37%. В остальных группах наблюдались медленные изменения, без резких скачков. В Нижегородской области доля сожительства сопоставима с общероссийскими данными. В 2015 г. она составила 10% от общего числа супружеских союзов, став в группе 20–24-летних фактически максимальной – каждый 4-й союз здесь не был зарегистрирован (высокими показателями доли сожительства в самых младших группах можно пренебречь, так как число супружеств среди 16–19-летних не велико и в разы меньше, чем во всех остальных возрастных группах). Стоит отметить, что последняя перепись 2020 г. фиксирует «отрицательную» динамику показателя

⁶ Исследование кафедры общей социологии и социальной работы ФСН ННГУ им. Н. И. Лобачевского «Представления студентов о семье», 2020–2021 гг., Н. Новгород, анкетный опрос. Объект – студенты 1-6 курсов ННГУ им. Н. И. Лобачевского (N = 1113), выборка квотная, с учетом пола и направления подготовки респондентов.

во всех возрастных группах (это касается и России, и области), т.е. доля живущих без регистрации снизилась значительно: по России на 3,5% – до 9%; в регионе на 2% – до 8%. Является ли это тенденцией? Ответ на этот вопрос требует более тщательного анализа и привлечения дополнительных данных.

Исследование нижегородских студентов дает основания для вывода о постепенном встраивании сожителства в жизненный цикл семьи, где проживание без регистрации отношений рассматривается как значимый заключительный этап ухаживания, норма. Подавляющее большинство (81%) как юношей (78%), так и девушек (83%) говорят о необходимости сначала пожить вместе. Сразу вступить в брак готовы только 7% опрошенных (13% девушек и 5% юношей), 7% считают регистрацию возможной только в случае беременности партнерши/рождения ребенка (11% юношей и 3% девушек)⁷. И это важно учитывать при выстраивании прогнозов, связанных с оценкой репродуктивного поведения.

Принятие сожителств вносит свои коррективы в процесс рождаемости. Во-первых, добрачное сожителство, или «пробный» брак, «отодвигает» возраст рождения детей; во-вторых, если говорить о сожителстве как об эквиваленте семьи, это затрудняет реализацию репродуктивных потребностей и установок, так как число детей в таких семьях меньше, что уже подчеркивалось, в том числе результатами нижегородских исследований [29]. Именно женщины, состоящие в браке, первом или повторном (81%), согласно нашему исследованию, имели детей. Только 4% мам оказались живущими

⁷ Исследование «Представление студентов о семье», 2020–2021 гг. Подробное описание см. выше.

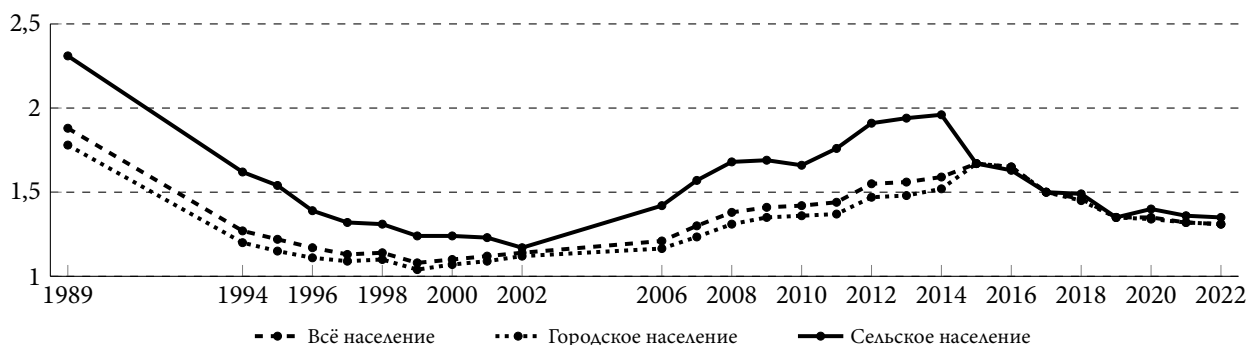
с партнером без официального оформления союза⁸. Таким образом, регистрация союза – значимое условие реализации репродуктивных установок.

Как следствие, две основные тенденции в сфере рождаемости в регионе остаются неизменными: по-прежнему фиксируется снижение показателей и смещение календаря рождений в старшие возрастные группы [28].

Стабильный медленный рост рождаемости, наблюдаемый в период с 2000 по 2015 гг. после резкого «обвала» в 1990-х гг., начиная с 2016 г. сменился спадом, и среднее число рождений сегодня уже вернулось к показателям первой половины 2000-х гг. (рис. 4). При этом стоит отметить, что, согласно данным Нижегородстата, область занимает одно из последних мест по показателям рождаемости в Приволжском федеральном округе (так, в 2021 году регион вместе с Ульяновской областью находился на 10–11-м месте из 14-ти возможных). Суммарный коэффициент рождаемости тоже стабильно ниже, чем в среднем по России (например, 1,31 против 1,42 в 2022 г.). Особенностью региона можно считать сближение уровня рождаемости на селе и в городе: со второй половины 10-х гг. (с 2015 г.) разница в показателях перестает быть существенной, происходит их выравнивание. Такая ситуация сохраняется и в 2022 г.

Тем не менее, отличия в числе рожденных детей у женщин на селе и в городе, по данным переписи 2020 г., остаются заметными (табл. 4). К окончанию основного репродуктивного пери-

⁸ Исследование «Семья и рождаемость», проведенное по инициативе Министерства социальной политики Нижегородской области кафедрой ОСиСР ФСН ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2020 г., Нижегородская обл., анкетный опрос. Объект – женщины в возрасте 18–40 лет ($N=1807$).

Источник: Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области. Официальная статистика / Население / Суммарный коэффициент рождаемости. URL: <https://52.rosstat.gov.ru/folder/33271>.

Рис. 4. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в Нижегородской области, 1989–2022 гг.

Fig. 4. Dynamics of the total fertility rate in Nizhny Novgorod Region, 1989–2022

Таблица 4 — Женщины по возрастным группам и числу рожденных детей, %
Table 4 — Women by age group and number of children born, %

Возрастная группа	Городское население				Сельское население			
	0	1	2	3 и более	0	1	2	3 и более
18-19	18*	14*	36*	45	54	41	54	47
15-17	99,5	0,4	0,1	0	99,3	0,6	0,1	0
18-19	97,6	2,1	0,3	0	95	4,6	0,4	0
20-24	82,7	14,1	2,9	0,4	76,5	17,4	5	1,1
25-29	45,5	36,8	15,2	2,6	39,1	34,6	20,2	6
30-34	22,6	39,5	31,5	6,3	19,2	32,3	35,7	12,8
35-39	14,1	37,1	39,3	9,5	12,9	28,5	41,1	17,5
40-44	11	41,4	38,4	9,1	9,9	30,1	41,5	18,4
45-49	10,2	48,1	35,1	6,6	7,9	33,4	44,1	14,6
50-54	9,6	50,8	34,5	5,1	6,6	31,7	48,5	13,1
55-59	8,4	45	41,5	5,1	5,8	25	54,8	14,4
60-64	8,1	38	47,7	6,2	5,7	22,2	55,6	16,5
65-69	8,4	37,3	47,6	6,7	6,1	23,3	52,6	18
70 и более	9	38,5	44,5	8	7,3	22,8	45,1	24,8
женщины 15 лет и старше	19	38,2	36,4	6,4	16,1	25,7	42,4	15,8

Источник: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Всероссийская перепись населения 2020 г. Итоги ВПН-2020. Том 9 Рождаемость. Таблица 1. Женщины, проживающие в частных домохозяйствах, по возрастным группам и числу рожденных детей по субъектам Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom9_Rozhdaemost.

ода (к 40 годам) сельские матери почти в два раза чаще многодетны, имея трех и более детей (17,5% против 9,5% в возрастной группе 35–39 лет), доля имеющих двоих детей почти не отличается (41,1% сельских против 39,3% городских), но у оставшейся половины горожанок только один ребенок или нет детей совсем. Среди жительниц села однодетных и бездетных меньше – 41,4%. Городские женщины, как правило, малодетны – почти половина из них к окончанию принятого репродуктивного периода, в возрасте 40–44 года, имеют только одного ребенка (48,1%). Еще 10,2% не имеют детей совсем. Большинство сельских женщин этого возраста (58,7%) имеют двоих и более детей. Еще одно отличие – более ранняя реализация репродуктивных установок женщинами на селе. К 20–24 годам четверть из них уже имеют ребенка, к 25–29 годам – таких уже почти 60%. Среди горожанок картина несколько иная: в 20–24 года только каждая пятая женщина становится мамой, в 25–29 лет 45,5% все еще не имеют детей. В то же время очевидно, что число детей в семье и доля многодетных в течение полувека резко сократились не только в городе, но и на селе, а «статистическая мода» переместилась в более малодетные группы: каждая четвертая сельская представительница послевоенного поколения (возрастные группы 70 лет и старше) родила трех и более детей, в следую-

щем поколении многодетность встречается заметно реже. В результате среднестатистическая сельская семья из многодетной превращается в двухдетную, а городская – из двухдетной в однодетную. Стоит отметить, что, согласно данным микропереписи, отличия в городе и на селе выражены сегодня менее ярко, чем это было, например, в 2015 г. [29].

Параллельно идет процесс смещения «календаря» рождений (рис. 5). Максимальное изменение показателя мы наблюдаем в самых молодых возрастных группах: за более чем 30-летний период в группе моложе 20-ти лет он снизился в пять раз (с 50,9% в 1990 г. до 9,9% в 2021 г.), в группе 20–24-летних – в 2,5 раза (с 144,2% в 1990 г. до 58,7% в 2021 г.). Во всех остальных группах при разнонаправленных в течение анализируемого периода процессах – однозначный рост, все более заметный по мере перехода к старшим группам. В то же время показатель в последних крайне низок в силу естественных причин и несопоставим с уровнем рождений в молодых возрастах. Наиболее активно рождающие группы сегодня, как уже было отмечено, – 20–39-летние. Но и в этих группах после 2015 г. наблюдается снижение коэффициентов. Исключение – возрастная группа 24–29-летних, показавшая рост показателя в 2020 г. Можно ли считать это тенденцией? Скорее, нет. В этом же году

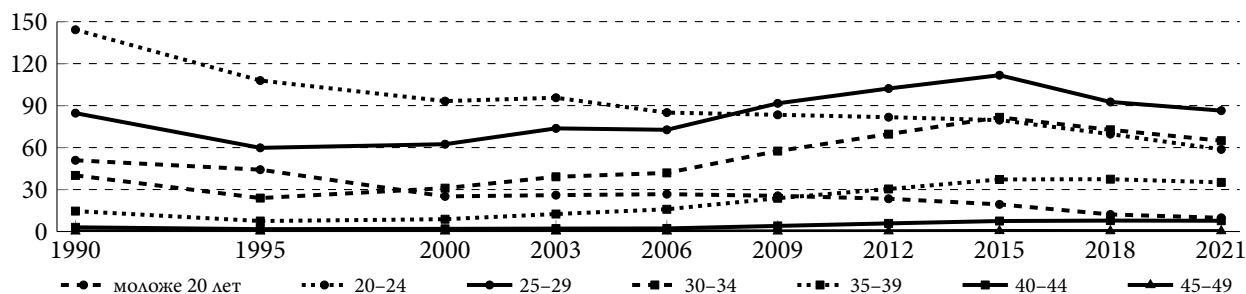
в более младшей группе 20–24-летних был зафиксирован самый низкий показатель за анализируемый период наблюдений. За последний год наблюдений (2021 г.) показатель снизился во всех возрастах.

В то же время, судя по среднему возрасту рождений, сегодня «календарь» стабилизировался: относительное увеличение возраста, по имеющимся у нас данным, наблюдалось в течение 2000-х – 2010-х гг., с 2002 г по 2018 г. он вырос чуть больше, чем на 3 года, с 25,6 лет до 28,9 года (рис. 6). За последние три года (с 2018 г. по 2021 г.) он вырос всего на 0,1 года. То же самое касается и среднего возраста с учетом очередности рождений. Во-первых, активный репродуктивный интервал небольшой: второй ребенок рождается в среднем в течение 6 лет после первого, а третий – в течение последующих трех лет. Во-вторых, в последние 4 года (период, за который есть данные в открытом доступе) он существенно не менялся (это касается рождений всех очередностей). Интергенетический интервал небольшой и стабильный: между первым и вторым рождением – в среднем 4 года, между вторым и третьим – около 2 лет и далее – чуть больше года.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

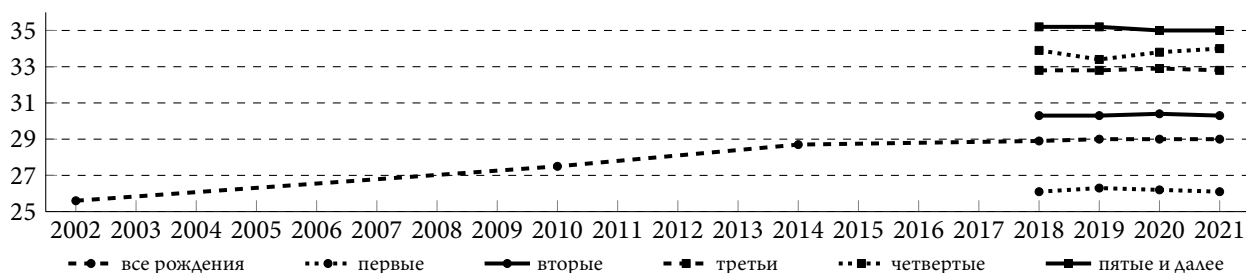
Сегодня демографическую ситуацию в Нижегородской области сложно назвать благоприятной. Комплексный количественный показатель оценки территории – численность населения – на протяжении, как минимум, последних трех десятилетий неуклонно снижается. Падает численность как городского, так и сельского населения, как мужчин, так и женщин, в последние годы – особенно быстрыми темпами.

Одним из факторов стабилизации численности является процесс его воспроизводства, или рождаемость, абсолютные и относительные показатели которой, к сожалению, демонстрируют отрицательную динамику. Предпринимаемые усилия пока не дают желаемого результата, и вопрос «Что можно сделать?» остается актуальным. В то же время снижение рождаемости – распространенный, сложный и многофакторный процесс, коррекция которого должна выстраиваться на основе тщательного анализа и постоянного мониторинга ситуации. Несмотря на то, что причин, выявляемых в сфере рождаемости тенденций, много, что является предметом непрекращающихся дискуссий и споров в научных

Источник: Статистический ежегодник. 2022 : Стат. сб. / Нижний Новгород : Нижегородстат, 2022. Раздел 4. С. 36. URL: https://52.rosstat.gov.ru/publication_collection/document/41619.

Рис. 5. Динамика возрастных коэффициентов рождаемости в Нижегородской области, 1990–2021 гг., %
Fig. 5. Dynamics of age-specific fertility rates in Nizhny Novgorod Region, 1990–2021, %

Источник: Рассчитано авторами на основании данных Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://fedstat.ru/indicator/59992>.

Рис. 6. Средний возраст матери при рождении ребенка (с учетом очередности), Нижегородская область, 2018–2021 гг.
Fig. 6. Average age of mother at childbirth (taking into account priority), Nizhny Novgorod Region, 2018–2021

и общественно-политических кругах, необходимо четко понимать потенциал, который заложен демографическими характеристиками той или иной территории, а именно, численностью и характеристиками фертильных групп, которые являются основными субъектами воспроизводства.

Половозрастная структура населения Нижегородского региона, к сожалению, дает мало поводов для выстраивания благополучного прогноза. С одной стороны, пока мы не наблюдаем диспропорции в фертильных возрастах. Численность основных возрастных групп мужчин и женщин приблизительно одинакова, за исключением самых старших фертильных групп. В то же время надо понимать, что возраст начала семейной жизни у мужчин и женщин не одинаков и лучше иметь «запас» мужчин в старших возрастах, на что рассчитывать сложно. Велика вероятность появления диспропорции и в более молодых возрастах.

Немного больше оптимизма внушает ситуация, связанная с брачной структурой. С одной стороны, в Нижегородской области фиксируются все процессы, которые характерны для сферы семейно-брачных отношений: откладывание создания семьи и рождения детей, высокие показатели разводимости, распространение сожительства, что, как показывают исследования, отрицательно сказывается на рождаемости. В то же время данные последней переписи населения говорят о снижении, например, числа незарегистрированных союзов, происходит стабилизация среднего возраста рождений, что позволяет строить более точные прогнозы.

Региональные исследования тоже фиксируют сохраняющийся зазор между желаемым и реальным количеством детей в различных социально-демографических группах, что, с нашей точки зрения, является важным и требует тщательных исследований и анализа. Учитывая, что демографический ресурс, к сожалению, не-

велик, необходим очень внимательный и взвешенный подход к ситуации. Модели репродуктивного поведения могут быть неодинаковы для представителей различных социодемографических групп, а, значит, разными будут потребности в социально-демографической и семейной политике, оценка и реакция на принимаемые меры. И это только одна из исследовательских задач в рамках сопровождения и постоянного мониторинга ситуации, которая предполагает подробный анализ воздействия на поведение разных социальных групп для определения их репродуктивного потенциала в существующих условиях (с учетом возраста, пола, образования, профессиональной деятельности, материального положения), включая необходимость разработки и использования для оценки эффективности отдельных мер как объективных, так и субъективных показателей и критериев.

Необходимо сохранять, как минимум, ту поддержку, которая сегодня создана на федеральном и региональном уровнях, принимая во внимание влияние основных факторов, способствующих реализации репродуктивных установок (система пособий, жилищная политика, развитие сети дошкольных учреждений, возможно, расширение социальных и внешкольных услуг для детей младшего школьного возраста и т.д.), что, возможно, позволит стабилизировать ситуацию.

Политика не должна предполагать одну-две меры, которые, конечно, не способны решить проблему. Она должна быть комплексной, учитывая многофакторность процесса, например, если говорить о низком демографическом потенциале, диспропорции полов, то это – и политика в области здравоохранения (профилактика рискологического поведения мужчин, сохранение репродуктивного здоровья), и меры миграционной политики. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. РОСТОВСКАЯ Т. К., САРАЛИЕВА З. Х. М. Ценностные ориентации молодежи Нижегородской области (результаты регионального социологического исследования) // *Вестник ВЭГУ*. 2018. № 3 (95). С. 89–96. EDN XRECGL.
2. САРАЛИЕВА З. Х., БАЛАБАНОВ С. С. Дети как жизненная ценность россиян // *Россия реформи-*

- рующаяся. 2009. № 8. С. 390–403. EDN PBTJFZ.
3. JEFFERS, K., ESTEVE, A., & ВАТЫРА, Е. (2024). Non-family Living Arrangements Among Young Adults in the United States. *European Journal of Population*, 40(1). <https://doi.org/10.1007/s10680-024-09696-5>.
4. АРХАНГЕЛЬСКИЙ В. Н., ВАСИЛЬЕВА Е. Н.,

ВАСИЛЬЕВА А. Е. Репродуктивные намерения современной российской молодежи и оценка возможностей их реализации // *Logos et Praxis*. 2021. Т. 20, № 3. С. 93–111. DOI 10.15688/lp.jvolsu.2021.3.10. EDN CVYOCN.

5. АРХАНГЕЛЬСКИЙ В. Н., БОГДАН И. В., КАЛАЧИКОВА О. Н., ЧИСТЯКОВА Д. П. Особенности репродуктивного поведения жительниц Москвы // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2023. Т. 16, № 3. С. 231–246. DOI 10.15838/esc.2023.3.87.12. EDN NDVBGU.

6. HELLSTRAND, J., NISÉN, J., & MYRSKYLÄ, M. (2022). Less Partnering, Less Children, or Both? Analysis of the Drivers of First Birth Decline in Finland Since 2010. *European Journal of Population*, 38(2), 191–221. <https://doi.org/10.1007/s10680-022-09605-8>.

7. РУСАНОВА Н. Е., ОЖИГАНОВА А. А. Репродуктивные стратегии российских женщин: результаты пилотного опроса // *Народонаселение*. 2022. Т. 25, № 4. С. 55–67. DOI 10.19181/population.2022.25.4.5. EDN VFYDZC.

8. УШАКОВА Я. В., ЗЕРНОВ Д. В. Семья и дети в контексте репродуктивного здоровья молодежи // *Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции* / под ред. Т. К. Ростовской, С. В. Рязанцева. Москва : Издательство «Экон-Информ», 2019. С. 340–343. EDN WQUYJZ.

9. ЗАХАРОВ С. В. Население России 2019: двадцать седьмой ежегодный демографический доклад : Монография. Москва : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2022. 344 с. DOI 10.17323/978-5-7598-2554-8. EDN FKJKMO.

10. КОЗЛОВА О. А., ЛЕВИНА Е. И. Роль социально-экономических факторов в формировании демографических процессов: эволюция теоретических концепций // *Журнал экономической теории*. 2019. Т. 16, № 1. С. 144–153. DOI 10.31063/2073-6517/2019.16-1.13. EDN DHZGMO.

11. SCHERER, S., & BRINI, E. (2023). Employment Instability and Childbirth over the Last 20 Years in Italy. *European Journal of Population*, 39(1), Article 31. <https://doi.org/10.1007/s10680-023-09680-5>.

12. СИНЕЛЬНИКОВ А. Б. Демографический переход и семейно-демографическая политика // *Социологические исследования*. 2021. № 10. С. 83–93. DOI 10.31857/S013216250017168-7. EDN AREWXI.

13. АРХАНГЕЛЬСКИЙ В. Н., ЗИНЬКИНА Ю. В.,

КОРОТАЕВ А. В., ШУЛЬГИН С. Г. Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки // *Социологические исследования*. 2017. № 3 (395). С. 43–50. EDN YMFZPN.

14. ВИШНЕВСКИЙ А. Г., ЗАХАРОВ С. В., ЩЕРБАКОВА Е. М. Население России 2018: двадцать шестой ежегодный демографический доклад : Монография. Москва : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2020. 352 с. DOI 10.17323/978-5-7598-2326-1. EDN RBXWQP.

15. ЗАХАРОВ С. В. Скромные демографические результаты пронаталистской политики в контексте долговременной эволюции рождаемости в России. Часть 2 // *Демографическое обозрение*. 2016. Т. 3, № 4. С. 6–26. EDN YNVXPN.

16. СИНЕЛЬНИКОВ А. Б. Что повысит рождаемость - льготы и пособия для семей с детьми или демографическая саморегуляция? // *Социологический журнал*. 2020. Т. 26, № 2. С. 174–182. DOI 10.19181/socjour.2020.26.2.7272. EDN QFHKWU.

17. BALBO, N., BILLARI, F. C., & MILLS, M. (2012). Fertility in advanced societies: A review of research. *European Journal of Population*, 29(1), 1–38. <https://doi.org/10.1007/s10680-012-9277-y>.

18. ЖУРАВЛЕВА Т. Л., ГАВРИЛОВА Я. А. Анализ факторов рождаемости в России: что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ? // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2017. Т. 21, № 1. С. 145–187. EDN YMIQTF.

19. ЗЫРЯНОВА М. А. Демографические причины нового этапа снижения рождаемости в северных регионах России // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2021. Т. 24, № 3 (73). С. 104–117. DOI 10.37614/2220-802X.3.2021.73.007. EDN LWIRYM.

20. СИНЕЛЬНИКОВ А. Б. Обособление поколений в семьях как фактор снижения рождаемости // *Социологические исследования*. 2022. № 5. С. 36–48. DOI 10.31857/S013216250020195-7. EDN FODWFN.

21. RAAB, M., & STRUFFOLINO, E. (2019). The Heterogeneity of Partnership Trajectories to Childlessness in Germany. *European Journal of Population*, 36(1), 53–70. <https://doi.org/10.1007/s10680-019-09519-y>.

22. ZIMMERMANN, O. (2021). Is Early Partnership Formation Instrumental for Fertility in Germany?: Influences of Fertility Orientations on Partnership

Transitions. *Comparative Population Studies*, 46. <https://doi.org/10.12765/cpos-2021-01>.

23. FOSTIK, A., FERNÁNDEZ SOTO, M., RUIZ-VALLEJO, F., & CIGANDA, D. (2023). Union Instability and Fertility: An International Perspective. *European Journal of Population*, 39(1), Article 25. <https://doi.org/10.1007/s10680-023-09668-1>.

24. СИНЕЛЬНИКОВ А. Б. Трансформация брака и рождаемость в России // *Народонаселение*. 2019. № 2. С. 26–39. DOI 10.24411/1561-7785-2019-00013. EDN FDDUOL.

25. АРХАНГЕЛЬСКИЙ В. Н. Динамика рождаемости в России: детерминанты и возможные перспективы // *Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы»* : Материалы форума (Воронеж, 30 сентября – 2 октября 2021 г.) / под ред. Н. В. Яковенко. Воронеж : Цифровая полиграфия, 2021. С. 24–31. EDN OGRRAH.

26. КАЗЕНИН К. И. Влияние миграции на рождаемость: сопоставление имеющихся гипотез на материале Северного Кавказа // *Народонаселение*. 2018. Т. 21, № 1. С. 48–59. DOI 10.26653/1561-7785-2018-21-1-04. EDN XQCSJJ.

27. КОРОЛЕНКО А. В. Факторы демографиче-

ского развития России: опыт исследования панельных данных // *Проблемы развития территории*. 2019. № 5 (103). С. 170–188. DOI 10.15838/ptd.2019.5.103.11. EDN LCZQBP.

28. РОСТОВСКАЯ Т. К., ШАБУНОВА А. А., АБДУЛЬЯНОВ А. Р. Демографическое самочувствие регионов России: национальный демографический доклад - 2021 : Монография. Москва : Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2021. 138 с. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-369-0.2021. EDN BGLITQ.

29. РОСТОВСКАЯ Т. К., ШАБУНОВА А. А., АБДУЛЬЯНОВ А. Р. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад - 2022 : Монография. Москва : Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2022. 220 с. DOI 10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022. EDN URJOYC.

30. САРАЛИЕВА З. Х. М., ЕГОРОВА Н. Ю., РЯВИНСКАЯ Е. С. Брак и семья студентов в условиях трансформации // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ)*. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 193–208. DOI 10.17213/2075-2067-2022-1-193-208. EDN DOOJAQ.

REFERENCES

1. ROSTOVSKAYA, T. K., & SARALIEVA, Z. KH. M. (2018). Value orientations of the youth of Nizhny Novgorod region (results of regional sociological research). *Vestnik VEGU*, (3), 89–96. <https://elibrary.ru/xrecgl>.

2. SARALIEVA, Z. KH., & BALABANOV, S. S. (2009). Children as a vital value for Russians. *Russia Reforming*, (8), 390–403. <https://elibrary.ru/pbtjtz>.

3. JEFFERS, K., ESTEVE, A., & БАТЫРА, Е. (2024). Non-family Living Arrangements Among Young Adults in the United States. *European Journal of Population*, 40(1). <https://doi.org/10.1007/s10680-024-09696-5>.

4. ARKHANGELSKY, V. N., VASILYEVA, E. N., & VASILYEVA, A. E. (2021). Reproductive intentions of modern Russian youth and assessment of the possibilities of their realization. *Logos et Praxis*, 20(3), 93–111. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.10>.

5. ARKHANGELSKY, V. N., BOGDAN, I. V., KALACHIKOVA, O. N., & CHISTYAKOVA, D. P. (2023). Peculiarities of reproductive behavior of Moscow residents. *Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz*, 16(3), 231–246. <https://doi.org/>

10.15838/esc.2023.3.87.12.

6. HELLSTRAND, J., NISÉN, J., & MYRSKYLÄ, M. (2022). Less Partnering, Less Children, or Both? Analysis of the Drivers of First Birth Decline in Finland Since 2010. *European Journal of Population*, 38(2), 191–221. <https://doi.org/10.1007/s10680-022-09605-8>.

7. RUSANOVA, N. E., & OZHIGANOVA, A. A. (2022). Reproductive strategies of Russian women: Results of the pilot survey. *Population*, 25(4), 55–67. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.4.5>.

8. USHAKOVA, YA. V., & ZERNOV, D. V. (2019). Family and children in the context of reproductive health of youth. In T. K. Rostovskaya, & S. V. Ryzantsev (Eds.) *National demographic priorities: New approaches, trends* (pp. 340–343). Publishing House “Ekon-Inform”. <https://elibrary.ru/wquyjj>.

9. ZAKHAROV, S. V. (2022). *Population of Russia 2019: Twenty-seventh annual demographic report*. National Research University Higher School of Economics. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2554-8>.

10. KOZLOVA, O. A., & LEVINA, E. I. (2019). The role of social and economic factors in formation of

demographic processes: Evolution of theoretical concepts. *Russian Journal of Economic Theory*, 16(1), 144–153. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-1.13>.

11. SCHERER, S., & BRINI, E. (2023). Employment Instability and Childbirth over the Last 20 Years in Italy. *European Journal of Population*, 39(1), Article 31. <https://doi.org/10.1007/s10680-023-09680-5>.

12. SINELNIKOV, A. B. (2021). Demographic transition and family-demographic policy. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (10), 83–93. <https://doi.org/10.31857/S013216250017168-7>.

13. ARKHANGELSKY, V. N., ZINKINA, YU. V., КОРОТАЕВ, А. В., & SHULGIN, S. G. (2017). Modern fertility trends in Russia and the impact of the pro-natalist policies. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (3), 43–50. <https://elibrary.ru/ymfzpn>.

14. VISHNEVSKY, A. G., ZAKHAROV, S. V., & SHCHERBAKOVA, E. M. (2020). *Population of Russia 2018: Twenty-sixth annual demographic report*. National Research University Higher School of Economics. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2326-1>.

15. ZAKHAROV, S. V. (2016). Modest demographic results of the pronatalist family policy in the context of long-term evolution of fertility in Russia. Part 2. *Demographic Review*, 3(4), 6–26. <https://elibrary.ru/ynvxpn>.

16. SINELNIKOV, A. B. (2020). What will increase the birth rate - benefits for families with children or demographic self-regulation?. *Sociological Journal*, 26(2), 174–182. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.2.7272>.

17. BALBO, N., BILLARI, F. C., & MILLS, M. (2012). Fertility in advanced societies: A review of research. *European Journal of Population*, 29(1), 1–38. <https://doi.org/10.1007/s10680-012-9277-y>.

18. ZHURAVLEVA, T. L., & GAVRILOVA, Y. A. (2017). Analysis of fertility determinants in Russia: What do RLMS data say?. *Higher School of Economics Economic Journal*, 21(1), 145–187. <https://elibrary.ru/ymiqtf>.

19. ZYRYANOVA, M. A. (2021). The demographic reasons of new period of fertility decline in the Northern Regions of Russia. *The North and the Market: Forming the Economic Order*, 24(3), 104–117. <https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2021.73.007>.

20. SINELNIKOV, A. B. (2022). Separation of generations in families as a factor for reducing birth rate. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (5), 36–48. <https://doi.org/10.31857/S013216250020195-7>.

21. RAAB, M., & STRUFFOLINO, E. (2019). The

Heterogeneity of Partnership Trajectories to Childlessness in Germany. *European Journal of Population*, 36(1), 53–70. <https://doi.org/10.1007/s10680-019-09519-y>.

22. ZIMMERMANN, O. (2021). Is Early Partnership Formation Instrumental for Fertility in Germany?: Influences of Fertility Orientations on Partnership Transitions. *Comparative Population Studies*, 46. <https://doi.org/10.12765/cpos-2021-01>.

23. FOSTIK, A., FERNÁNDEZ SOTO, M., RUIZ-VALLEJO, F., & CIGANDA, D. (2023). Union Instability and Fertility: An International Perspective. *European Journal of Population*, 39(1), Article 25. <https://doi.org/10.1007/s10680-023-09668-1>.

24. SINELNIKOV, A. B. (2019). Transformation of marriage and fertility in Russia. *Population*, (2), 26–39. <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00013>.

25. ARKHANGELSKY, V. N. (2021). Fertility dynamics in Russia: Determinants and possible prospects. In N. V. Yakovenko (Ed.) *International Demographic Forum “Demography and Global Challenges”* (pp. 24–31). Digital printing. <https://elibrary.ru/ogrrah>.

26. KAZENIN, K. I. (2018). Impact of migration on fertility: Key hypotheses facing evidence from North Caucasus. *Population*, 21(1), 48–59. <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-1-04>.

27. KOROLENKO, A. V. (2019). Factors contributing to Russia's demographic development: Panel data research experience. *Problems of Territory's Development*, (5), 170–188. <https://doi.org/10.15838/ptd.2019.5.103.11>.

28. ROSTOVSKAYA, T. K., SHABUNOVA, A. A., & ABDULZYANOV, A. R. (2021). *Demographic wellbeing of Russian regions: National demographic report - 2021*. Publishing and trading house “PERSPECTIVE”. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-369-0.2021>.

29. ROSTOVSKAYA, T. K., SHABUNOVA, A. A., & ABDULZYANOV, A. R. (2022). *Demographic health of Russian regions. National Demographic Report - 2022*. Publishing and trading house “PERSPECTIVE”. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022>.

30. SARALIEVA, Z. KH. M., EGOROVA, N. YU., & RYABINSKAYA, E. S. (2022). Marriage and family of students during transformation. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*, 15(1), 193–208. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-193-208>.